

П Р А В О

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1900 г.

№ 30.

Воскресенье 23 іюля.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. Г. Петражицкаго и В. М. Устинова.

- Содержаніе:** 1) Г. А. Джаншіевъ.
2) Реформа продовольственнаго дѣла.—В. Г.
3) По поводу дѣла Скитскихъ. А. И.
4) Хроника.
5) Библиографія: Законодательный бюллетень за 1900 г., изд. подъ ред. А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. 1-е полугодіе. Н. И.
6) Судебная практика.
7) Отвѣты редакціи.
8) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по пятницамъ отъ 12 ч. до 2 ч. дня.

Статьи присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Напечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку. Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ — 10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Г. А. Джаншіевъ.

(1851—1900.)

Пѣвецъ екатерининскаго вѣка Державинъ, обращаясь къ Екатеринѣ, сказалъ:

Ты—славою, твоей я тѣнью буду жить. Слова эти могъ-бы повторить другой пѣвецъ, но не геройской личности, а геройской эпохи, эпохи великихъ реформъ, Григорій Аветовичъ Джаншіевъ.

Блѣднѣеть и гаснетъ огромный и яркій костеръ, такъ недавно озарявшій и согрѣвавшій русскую землю. Все меньше и меньше людей, поддерживающихъ его священное пламя. Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече, — у другихъ огней, горящихъ предъ другими алтарями. Г. А. Джаншіевъ—одинъ изъ немногихъ: онъ жилъ и умеръ у догорающаго костра шестидесятихъ годовъ.

Среди общественныхъ и литературныхъ дѣятелей часто встрѣчаются люди, вся жизнь которыхъ—непрерывное и мучительное исканіе правды. Трудную работу самоуясненія общественнаго міросозерцанія эти люди совершаютъ публично и всенародно, на площади печатнаго слова. Они грѣшатъ и каются, падаютъ и встаютъ. Сегодня они говорятъ общественному мнѣнію: „вотъ богъ—молитесь ему“, а завтра: „это идолъ—забросайте его камнями“. Съ психологической точки зрѣнія, жизнь такихъ людей полна драматическаго интереса. Нравственная

оцѣнка ихъ личности можетъ быть весьма высокою: они внидутъ въ царство небесное; ибо на страшномъ судѣ Господь не спроситъ предстоящаго: „зналъ-ли ты истину?“ а спроситъ: „искалъ ли ты ее?“ Но съ точки зрѣнія публицистической критики дѣятельность такихъ людей не всегда является положительной, плодотворной. Въ переходный моментъ своей дѣятельности они могутъ внести смуту въ общественное сознаніе; вмѣсто того чтобы указать и выясненіемъ цѣли укрѣпить и усилить его активность, они иннервируютъ и ослабляютъ его энергію. Въ сердцахъ недалководидныхъ и слабыхъ людей они могутъ посѣять пассивное безразличіе и бесплодный скептицизмъ.

Покойный Г. А. Джаншіевъ принадлежалъ къ числу людей иного закала. Люди, подобные ему, свое общественное credo вырабатываютъ наединѣ съ своей совѣстью, въ тишинѣ и мракѣ своей интимной, никому незримой жизни. На арену общественной дѣятельности они выступаютъ во всеоружіи убѣжденій и непреклонной идеи,—выступаютъ не прежде, чѣмъ могутъ сказать обществу: я знаю, гдѣ правда и гдѣ ложь. Иди за мной; я поведу тебя впередъ и не заставлю возвращаться по пройденному уже пути.

Вѣра Джаншіева была проста и ясна.

Шестидесятые годы—эпоха необычайнаго творческаго подъема законодательной мысли. Великія реформы вырыли глубокую непроходимую пропасть между до—и пореформенной

Россіей. Общественный и экономическій строй первой покоился, во всёхъ своихъ проявленіяхъ, на крѣпостномъ началѣ, т. е. на отрицаніи личности,—ея человѣческаго достоинства и гражданскихъ правъ. Освободительный характеръ реформы заключается въ раскрѣпощеніи, высвобожденіи личности изъ-подъ неограниченнаго господства государства и привилегированныхъ классовъ. Паденіе крѣпостнаго права даровало 23-хъ миллионному народу, народу рабовъ, свободу личности и труда, оно излечило Россію отъ „отвратительнаго недуга“ рабства; оно расширило путь къ освободительнымъ реформамъ, преобразившимъ Россію изъ рабовладѣльческаго въ правовое государство. Отмѣна въ 1863 г. тѣлесныхъ наказаній, противныхъ личному достоинству человѣка и правамъ свободной личности, явилась необходимымъ послѣдствіемъ паденія крѣпостнаго права. Университетскій уставъ 1863 г., законъ о печати 1865 г.—первый шагъ къ освобожденію человѣческой мысли и слова отъ патримоніальнаго господства государственной власти. Земская реформа 1864 г. и городская 1870 г. освободили хозяйственную жизнь народа отъ всеисильной опеки старой, дореформенной администраціи, зараженной пороками, выростающими въ изобиліи, какъ сорная трава, на почвѣ неограниченнаго усмотрѣнія и произвола. Наконецъ, судебная реформа 1864, „даровавшая Россіи итогъ того, до чего въ теченіе цѣлыхъ столѣтій додумалось человѣчество въ области правосудія“, впервые обезпечила русскому обществу ту личную свободу, которая, по вѣрному замчанію Монтескье, заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ сознаніи гражданиномъ неприкосновенности своихъ правъ, не могущихъ быть ни отнятыми, ни умаленными иначе, какъ судомъ и по закону.

Намъ, юристамъ, особенно дорого въ Джаншievѣ благоговѣйное его отношеніе къ великимъ судебнымъ уставамъ. Говоря о безчисленныхъ „пестрыхъ“ новеллахъ, облѣпившихъ со всёхъ сторонъ стройное монументальное зданіе судебныхъ уставовъ, Джаншievъ вспоминаетъ константинопольскій храмъ Софіи, первоначальный остовъ котораго весь исчезъ подъ грудю неуклюжихъ мазанокъ, пристроекъ и придѣловъ, набросанныхъ варварскимъ усердіемъ мусульманскаго благочестія. Нужно, говоритъ онъ, возвести очи „горѣ“, къ классически правильному очертанію дивнаго купола, легко и величаво осѣняющему разнохарактерную грудю, чтобы увидѣть слабый отблескъ первоначальнаго цѣльнаго плана, увидѣть лучъ той глубокой мысли и свѣтлаго идеала, которые носились предъ очами творца этого храма и которые не могло загасить совѣмъ наивное идиотское изувѣрство Ислама. И онъ рассказываетъ народную легенду о неизбѣжности возстановленія храма въ его первоначальной красотѣ и величіи.

Dum spiro — spero, любилъ повторять Джаншievъ; онъ вѣрилъ чуду возрожденія, о которомъ писалъ Пушкинъ:

Художникъ—варваръ кистью сонной
Рисунокъ генія чернить
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ нимъ бессмысленно чертить;
Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей,
Созданье генія предъ нами
Выходить съ прежней красотой.

Съ какой тревогой, съ какой сердечной болью слѣдилъ онъ, то надѣясь, то приходя въ отчаянье, за работами комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ!

Какъ радостно привѣтствовалъ онъ каждую новую побѣду старыхъ принциповъ, — напр. новеллу 2 февраля 1898 г., расширившую сферу дѣйствія суда присяжныхъ! И какъ страстно желалъ онъ, чтобы комиссія, переливая старое вино судебныхъ уставовъ въ новые мѣха, не пролила ни одной капли этой кристально-чистой, драгоценной влаги.

Все проходитъ. Эпохѣ соннаго покоя снова придетъ на смѣну эпоха творческаго подъема энергіи и силъ. Когда вспомнить „забытыя слова“,—вспомнить ихъ глашатая, Джаншievа; къ тѣмъ вѣнкамъ, которые въ скорби мы кладемъ на его могилу, наши дѣти въ радости прибавятъ новые вѣнки.

Реформа продовольственнаго дѣла.

I.

Какъ извѣстно, первоначальный проектъ земской реформы, выработанный въ 1890 г. министерствомъ гр. Д. А. Толстаго, предполагалъ совершенное устраненіе земства. Исполнительные органы земства, управы, должны были уступить мѣсто правительственнымъ коллегіямъ, земскимъ присутствіямъ. Земскія собранія, по проекту, обращались въ совѣщанія свѣдущихъ людей, состоящія при губернаторахъ. *Всѣ* безъ исключенія постановленія земства нуждались въ утвержденіи правительства; земство, какъ іерархически подчиненное администраціи, лишалось права обжалованія Сенату распоряженій административныхъ властей.

Внесенный, уже по смерти графа Толстаго въ нѣсколько смягченномъ видѣ, въ государственный совѣтъ, проектъ земской реформы подвергся здѣсь значительной переработкѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что мудрости государственнаго совѣта нынѣшнее земство обязано фактомъ своего существованія. Конечно основная тенденція первоначальнаго проекта очень ярко сказалась на общемъ характерѣ дѣйствующаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ: тѣмъ не менѣе урѣзанное, со связанными руками, опекаемое всеисильной администраціей, земство и понынѣ продолжаетъ существовать, какъ особая—далекая отъ идеаловъ само-

управления—форма завѣдыванія мѣстными дѣлами чрезъ посредство мѣстныхъ людей.

Вынужденно такимъ образомъ считается съ фактомъ существованія земства, анти-земское направленіе, господствующее въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ, пошло по другому пути. Не касаясь организаціи земства, оно направило свои усилія къ тому, чтобы изъять изъ его компетенціи тѣ, именно, функціи, которыми и для которыхъ оно существуетъ. Отсюда—уставъ лечебныхъ заведеній 1893, проектъ—будемъ надѣяться, мертворожденный—передачи дѣла народнаго просвѣщенія въ исключительное вѣдѣніе правительственныхъ органовъ, фиксація земскихъ бюджетовъ и, наконецъ, реформа продовольственного дѣла.

Всякому учрежденію присуща своя, такъ сказать, „естественная“ компетенція; она опредѣляется общою цѣлью учрежденія, родомъ его функцій, составомъ и способомъ комплектованія образующихъ его должностныхъ лицъ, іерархическимъ положеніемъ его и. т. д., и. т. д. Подобно тому какъ судебнымъ учрежденіямъ,—напр., окружнымъ судамъ, не соотвѣстственно вѣдать административныя дѣла, такъ точно учрежденіямъ административнымъ,—напр. земскимъ начальникамъ—не надлежало бы вѣдать дѣла судебныя. Само собою разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, когда по ошибкѣ законодателя, на учрежденіе возлагаютъ несвойственныя ему функціи изъятіе ихъ изъ его вѣдѣнія представляется необходимымъ въ интересахъ дѣла и желательнымъ въ интересахъ самого учрежденія. Разнородность функцій мѣшаетъ выработкѣ однородной практики, образованію того „духа“, который долженъ быть присущъ каждому учрежденію, имѣющему органической, жизненный характеръ. Неудачное осуществленіе одной какой либо функціи, несвойственной учрежденію, дискредитируетъ всю его дѣятельность, мѣшаетъ правильному и нормальному отправленію другихъ естественныхъ его функцій.

Но, съ другой стороны, изъятіе изъ вѣдѣнія учрежденія функцій, относящихся, по существу, къ его компетенціи, представляетъ для него огромную опасность. Естественная компетенція учрежденія отнюдь не является механическимъ агрегатомъ различныхъ, другъ отъ друга независимыхъ дѣлъ. Она представляетъ изъ себя одно неразрывное цѣлое, между частями котораго существуетъ постоянное взаимодѣйствіе и тѣсная связь. Лишая учрежденіе возможности осуществлять одну изъ его необходимыхъ функцій, мы затрудняемъ тѣмъ самымъ успешное осуществленіе всѣхъ остальныхъ. Учрежденіе живетъ, пока и поскольку оно дѣйствуетъ; суживая сферу его дѣятельности, мы тѣмъ самымъ уменьшаемъ его жизнеспособность. Учрежденіе, лишненное главнѣйшихъ своихъ функцій, теряетъ свой *raison d'être*; оно умираетъ, хотя бы продолжало жить на бумагѣ. Вспомнимъ, чѣмъ были Куріи въ императорскомъ Римѣ!

Въ особенности опасно сокращеніе функцій для такихъ представительныхъ учреждений, какъ земство.

Основанное на избирательномъ началѣ, земство можетъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока мѣстное населеніе питаетъ къ нему живой интересъ, увѣрено въ важности и необходимости его дѣятельности. Чѣмъ меньше функцій остается за земствомъ, тѣмъ слабѣе становится интересъ къ нему населенія. Кому неиз-

вѣстно, чѣмъ были у насъ выборы до введенія земской реформы? Служба земская не синекюра; она почетна и безвозмездна; люди, отдающіеся ей, жертвуютъ своимъ временемъ и трудомъ дѣлу, которое они считаютъ важнымъ и необходимымъ. Кто пойдетъ на эту службу, если земство станетъ пустымъ звукомъ,—фразой безъ дѣла, скорлупой безъ ядра?...

Только что осуществленная реформа продовольственного дѣла изземлетъ попеченіе о продовольствіи населенія изъ вѣдѣнія земства и передаетъ его въ вѣдѣніе администраціи. Для того, чтобы правильно оцѣнить эту реформу, необходимо прежде всего отвѣтить на вопросъ: составляетъ ли продовольственное дѣло часть „естественной“ компетенціи земства? Если до сихъ поръ дѣло это поставлено было плохо, то не является ли причиной этого непригодность для его веденія земскихъ учреждений? Не улучшится ли оно въ рукахъ администраціи, болѣе способной поставить его на вѣрный путь и вести по этому пути впередъ? Повредитъ ли, или, напротивъ, принесетъ пользу нашему земству изъятіе изъ его вѣдѣнія продовольственного дѣла? Чѣмъ является совершившаяся реформа,—ампутацией ли, необходимой для спасенія больного организма, или, наоборотъ, увѣщемъ, угрожающимъ смертью организму здоровому?

II

Неудовлетворительность постановки у насъ продовольственного дѣла, обнаружившаяся съ такой печальной очевидностью въ голодные годы (Самарскій голодъ 1873—74 г., голодъ 1891—92 г. и 1897—98 г.), является фактомъ общезвѣстнымъ и общепризнаннымъ. По словамъ доклада, прочитаннаго въ годовомъ общемъ собраніи вольнаго экономическаго общества 31 октября 1897 г., „въ тяжелую годину бѣдствій 1891—92 гг... мы присутствовали при полномъ крушеніи всей дѣйствующей продовольственной системы, что ясно сознавали всѣ участники борьбы: правительство, земство, общество, печать“.

Само собою разумѣется, что вопросъ о причинахъ „продовольственного хаоса“ давно уже занимаетъ всѣхъ, интересующихся народною жизнью, ея печальми и невзгодами. Между прочимъ, этому вопросу посвященъ былъ вольнымъ экономическимъ обществомъ въ мартѣ 1898 г. рядъ засѣданій, имѣвшихъ главною своей цѣлью выясненіе недостатковъ продовольственной системы и мѣръ къ ихъ устраненію.

И въ докладахъ и во время преній отмѣчено было, что главной причиной продовольственныхъ неурядицъ является дѣйствующій продовольственный уставъ.

Часто указывалось, что злой рокъ тяготѣетъ у насъ на Руси надъ хорошими людьми, надъ людьми свѣта и добра: они отцвѣтають, не успѣвъ расцвѣсти...

Mutatis mutandis, истину эту съ людей можно перенести на законы.

Долго ли, напримѣръ, просуществовали у насъ, въ нетронутомъ видѣ, великіе судебные уставы, или земская реформа 64 г., или городская реформа 70 г..., или хотя бы даже цензурныя правила 62 и 65 гг... А вотъ продовольственный уставъ—и не онъ одинъ: вспомнимъ безконечное множество „временныхъ правилъ“—изданный еще въ 1834 г. и уже тогда вы-

завъшій суровую критику со стороны такихъ непредубѣжденныхъ и компетентныхъ судей, какъ гр. Киселевъ, просуществовалъ до сихъ поръ и съ нѣкоторыми деталями улучшеніями будетъ существовать еще долго въ новыхъ правилахъ 12 іюня 1900 г., „временность“ которыхъ—лучшій законъ ихъ долговѣчности. Сколько пронеслось перемѣнъ съ 34 года надъ русскимъ селомъ: пало крѣпостное право, широко разбросалась желѣзнодорожная сѣть, измѣнились кореннымъ образомъ условія народнаго хозяйства, выросла промышленная Русь,—а продовольственный уставъ, архаическій пережитокъ давно минувшихъ временъ, продолжаетъ дѣйствовать въ „мирное“ время и бездѣйствовать въ критическіе моменты тяжелой борьбы съ голодомъ.

Непригодность продовольственнаго устава вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, изъ основнаго принципа, на коемъ онъ построенъ, а именно изъ принципа краткосрочныхъ ссудъ. Въ своей статьѣ: „продовольственное дѣло и сельско-хозяйственное страхование“ (Русское Богатство 1893, кн. I ст. 7 и сл.) Н. А. Карышевъ справедливо доказываетъ, что сельско-хозяйственный кредитъ—орудіе обоюдоострое, требующее весьма осторожнаго обращенія съ собой. Будучи дѣйствительнымъ благомъ, надежнымъ средствомъ къ развитію сельско-хозяйственнаго промысла въ однихъ случаяхъ, кредитъ становится не менѣе надежнымъ орудіемъ упадка того-же промысла и постепеннаго разоренія населенія—въ другихъ... Если заемщикъ пользуется кредитомъ не для *производительнаго* потребленія, т. е. не для увеличенія суммы произведенныхъ имъ продуктовъ, а для какой-либо другой цѣли, то, очевидно, на его хозяйство ложится извѣстное бремя, взаимъ котораго хозяйство это не получило ничего. Часть своего ежегоднаго дохода, не увеличившагося въ своихъ размѣрахъ, заемщикъ обязанъ въ этомъ случаѣ уплачивать въ погашеніе ссуды... Продовольственная ссуда, которая выдается только въ томъ случаѣ, когда у населенія не хватаетъ наличныхъ запасовъ для пропитанія и обмѣненія полей, отнюдь не увеличиваетъ средствъ заемщика, въ смыслѣ возможности для него расширять свое производство. Все, что получено имъ изъ этого источника, непосредственно имъ-же потребляется; въ хозяйство не вкладывается ни гроша. Но когда настаетъ время возврата продовольственной ссуды, тогда заемщику приходится расплачиваться доходами съ своего—скорѣе уменьшившагося, нежели увеличившагося хозяйства. При чрезвычайной задолженности нашего крестьянства, при ничтожности крестьянскихъ надѣловъ, при обременительности—всегда непосильной—крестьянскихъ налоговъ, такая растрата, по общему правилу, оказывается фактически невозможной.

Эту невозможность, впрочемъ, въ полной мѣрѣ сознаетъ само правительство, что доказываетъ, между прочимъ, 50% скидка, сдѣланная имъ по отношенію къ ссудѣ 1891 г. Въ то время какъ въ другихъ областяхъ народнаго хозяйства—напр., противопожарномъ, противочумномъ дѣлѣ—наше законодательство давно отказалось отъ ссуднаго принципа, замѣнивъ выдачу ссудъ выдачей сначала безвозвратныхъ пособій, а затѣмъ страховых вознагражденій,—въ наиболѣе важной

области, продовольственной, до сихъ поръ господствуетъ осужденная теоріей и практикой ссудная система.

Независимо отъ самаго принципа, и способъ осуществленія его продовольственнымъ уставомъ представляется во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительнымъ. Такъ, прежде всего, уставъ построенъ на строго сословномъ началѣ. Продовольственная повинность лежитъ исключительно на сельскихъ обществахъ; между тѣмъ наше обнищавшее, задолженное крестьянство фактически не въ состояніи нести продовольственнаго бремени. Отсюда недостаточность запасовъ, натуральныхъ и денежныхъ, не обезпечивающихъ никомъ образомъ народнаго продовольствія. Карышевъ указываетъ, что вся сумма мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ въ странѣ равняется приблизительно 213 мил. руб. При 70 миллионномъ сельскомъ населеніи 50 губ. Европейской Россіи сумма эта составляетъ около 3 рублей на человѣка. И притомъ значительно-большая часть этой суммы числится въ долгахъ; наличныя средства—почти ничтожны.

Отмѣтимъ любопытный фактъ. Кто бы повѣрилъ, что до изданія новыхъ продовольственныхъ правилъ въ дѣйствующемъ нашемъ законодательствѣ еще живы были *ревизскія души*? А между тѣмъ ст. 11 устава опредѣляетъ полное количество хлѣбныхъ запасовъ въ размѣрѣ одной съ половиной четверти на ревизскую душу. Въ виду недостаточности запасовъ, нѣкоторыя земскія собранія въ разное время возбуждали ходатайства о перенесеніи продовольственнаго сбора съ „ревизскихъ“ на „наличныя“ души. Разумѣется, это въ значительной степени увеличило бы продовольственное бремя, лежащее на крестьянахъ, ибо на 24 мил. ревизскихъ душъ приходится около 80 мил. дѣйствительнаго населенія. Сознывая полную невозможность дальнѣйшаго обремененія до послѣдней степени задолженнаго крестьянства, министерство внут. дѣлъ всегда относилось къ подобнымъ ходатайствамъ отрицательно. Невольно, однако, напрашивается вопросъ: если матеріальная несостоятельность нашего крестьянства настолько велика, что оно не въ состояніи нести продовольственнаго бремени, то могутъ-ли этому горю помочь фиктивные, ревизскія души? Необходимо измѣнить систему, необходимо отказаться отъ сословнаго начала, признать, что продовольственная нужда, голодъ—не сословное, а всеобщее бѣдствіе, съ которымъ и бороться надо не сословными, а всеобщими средствами.

Опредѣляя кругъ лицъ, имѣющихъ право на получение продовольственныхъ ссудъ, уставъ стоитъ на той-же сословной точкѣ зрѣнія. Толкуя ст. 65 устава, м. в. д. категорически указывало, что на помощь изъ продовольственныхъ средствъ,—и не только изъ принадлежащихъ сельскимъ обществамъ, но и изъ губернскаго и имперскаго продовольственныхъ капиталовъ, имѣютъ право рассчитывать лишь лица, приписанныя къ обществамъ. Такая точка зрѣнія могла быть умѣренной въ отношеніи къ крѣпостной деревнѣ, продовольственное дѣло которой вѣдалось помѣщикомъ,—„полицеймейстеромъ“ своихъ крестьянъ; но она безусловно не примѣнима къ современной деревнѣ, приобретающей все болѣе и болѣе всеобщій характеръ. Сословно-крестьянской продовольственной организа-

цией создается многочисленный класс „лицъ“, не пользующихся вовсе правильно-организованной продовольственной помощью; къ этому классу принадлежатъ крестьяне другихъ деревень, мѣщане, ремесленники, дворовые, обѣднѣвшіе дворяне, николаевскіе солдаты и т. п. Такъ, когда въ неурожай 1892 г. Полтавское губ. земское собраніе постановило выдавать продовольственные и сѣмянные ссуды изъ губернскаго продовольственнаго капитала, а въ случаѣ его истощенія—изъ имперскаго, сельскимъ жителямъ всѣхъ званій и сословій, министерство внут. дѣлъ отмѣнило это постановленіе, признавъ его незаконнымъ.

Сословность продовольственной помощи обуславливается впрочемъ другимъ существеннымъ недостаткомъ устава,— а именно институтомъ круговой поруки. Пугало нашей фискальной системы, круговая порука нигдѣ не дѣйствуетъ такъ вредно, какъ именно въ продовольственномъ дѣлѣ. При ея существованіи, сколько нибудь правильное распредѣленіе ссудъ оказывается невозможнымъ. Требованіе закона, чтобы отпускъ хлѣба или денегъ на посѣвы производился единственно нуждающимся и притомъ въ мѣрѣ дѣйствительной необходимости, остается мертвою буквой;— на практикѣ имѣетъ мѣсто поголовное, или почти поголовное, раздѣленіе продовольственной ссуды, строго воспрещаемое закономъ (ст. ст. 65, 66 устава). Состоятельные, и потому вліятельные на сельскомъ сходѣ, крестьяне никогда не допустятъ, чтобы ссуду получили *только* неимущіе, за которыхъ они несутъ круговую отвѣтственность. По вѣрному замѣчанію „Вѣстника Европы“, опытъ показалъ, что при круговой порукѣ или дѣлять хлѣбъ поровну—и сытые, и голодные—или, если вліятельная часть общества сыта, вовсе не просятъ пособія голоднымъ. Если же каждый станетъ отвѣчать за себя, то подобные мотивы исчезнутъ и, кстати, самъ собою разрешится вопросъ, какъ помочь лицамъ, не входящимъ въ сельскія общества.

Не останавливаясь на другихъ, второстепенныхъ недостаткахъ продовольственнаго устава, перейдемъ къ слѣдующей, не менѣе важной причинѣ нестроенія нашего продовольственнаго дѣла. Причина эта коренится въ современной организаціи земства.

Съ созданіемъ земства, продовольственное дѣло передано было въ его вѣдѣніе. Ему данъ былъ продовольственный уставъ, составленный въ то время, когда о земствѣ не было помину, и руководствуясь этимъ уставомъ, оно должно было благополучно разрешить продовольственный вопросъ. О приспособленіи устава къ земской организаціи или земской организаціи къ уставу—не было рѣчи. Что удивительнаго, если земства не сумѣли разрешить неразрѣшимую по существу задачу?

Въ отношеніи къ продовольственному дѣлу земству ставятся, главнымъ образомъ, въ вину два обстоятельства.

Во-1-хъ, недостаточная заботливость земства о хлѣбныхъ магазинахъ, находящихся въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи какъ по количеству, такъ и по качеству хранящихся въ нихъ хлѣба.

Во-2-хъ, недостаточная освѣдомленность земства о размѣрахъ и степени продовольственной и сѣмян-

ной нужды; немотивированность его ходатайствъ предъ высшимъ правительствомъ объ оказаніи населенію продовольственной помощи, затрудняющая удовлетвореніе большинства—по существу, можетъ быть, и правильныхъ—ходатайствъ.

Если указанные недостатки, — по крайней мѣрѣ, отчасти — имѣютъ, дѣйствительно, мѣсто, то причину ихъ слѣдуетъ искать въ несовершенствахъ существующей земской организаціи, — въ несовершенствахъ, устраненіе которыхъ настолько же необходимо, насколько возможно.

Такъ, прежде всего, заботливость объ исправномъ состояніи хлѣбныхъ магазиновъ невозможна при отсутствіи у земства какой бы то ни было понудительной власти, какихъ бы то ни было мѣстныхъ исполнительныхъ органовъ. Равнымъ образомъ, мѣстные исполнительные органы необходимы земству для собиранія точныхъ свѣдѣній о продовольственной нуждѣ, о размѣрахъ и формахъ необходимой продовольственной помощи. Согласно ст. 24 уст. обезп. нар. прод., уѣздныя земскія управы, обнаруживъ нарушеніе правилъ сего устава въ дѣйствіяхъ сельскихъ сходовъ по завѣдыванію и употребленію общественныхъ запасовъ или капиталовъ продовольствія, *распоряжаются* о прекращеніи и исправленіи безпорядка чрезъ волостныя правленія, или, въ случаѣ надобности, и чрезъ земскихъ участковыхъ начальниковъ, или, гдѣ ихъ нѣтъ, чрезъ уѣздную полицію, а о взысканіи съ виновныхъ сельскихъ властей сообщаютъ, кому слѣдуетъ, по принадлежности. Кто, однако, не знаетъ, что статья эта всегда оставалась мертвою буквой, ибо никакой *распорядительной* власти по отношенію къ сельскимъ органамъ, а тѣмъ болѣе земскимъ начальникамъ, у земства нѣтъ.

Съ другой стороны, попытки земства для выясненія экономическаго состоянія населенія широко развить систему статистическихъ изслѣдованій встрѣчали всегда рѣшительную оппозицію со стороны администраціи. Отсутствіе принудительной власти у земства, въ связи съ отсутствіемъ мѣстныхъ исполнительныхъ органовъ, выражается—въ большей или меньшей степени неблагоприятно—не только на продовольственномъ дѣлѣ, но, вообще, на всей постановкѣ земскаго хозяйства. Можно ли, однако, заключить отсюда, что земство должно быть упразднено, а мѣстное хозяйство поручено администраціи?..

При обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ временныхъ правилъ 12 іюня 1900 г., выдвинуто было еще одно соображеніе, доказывающее, будто бы, „полную непригодность земскихъ учреждений къ распорядительной дѣятельности при отправленіи задачъ народнаго продовольствія“ (см. Вѣстникъ Финансовъ 1900 г. № 27, стр. 7). Такъ указывалось, что въ борьбѣ съ голодомъ земства, не имѣя возможности выработать общій организаціонный планъ продовольственной кампаніи, дѣйствовали въ раздробъ путемъ отдѣльных, несогласованныхъ другъ съ другомъ мѣстныхъ мѣропріятій, что, въ значительной степени, вредило успѣшности продовольственнаго дѣла. Позволяемъ себѣ, однако, думать, что значеніе приведеннаго аргумента не слѣдуетъ преувеличивать. Само собою разумѣется, что превентивная дѣятельность государства,

направленная на предупреждение появления голодовок, может увячаться успѣхомъ только въ томъ случаѣ, если она широко задумана и осуществляется по единому общему плану самимъ государствомъ. *Предупреждение* голодовокъ—дѣло разумной экономической и финансовой политики государства, а отнюдь не разрозненныхъ усилій отдѣльныхъ земствъ; но мы рѣшительно не допускаемъ, чтобы борьба съ *уже наступившимъ* голодомъ могла вестись иначе, какъ путемъ отдѣльныхъ мѣропріятій, согласованныхъ съ требованиями времени и мѣста, и *потому* несогласованныхъ другъ съ другомъ. Коренныя различія мѣстныхъ особенностей (географическое положеніе, господствующая промышленность, пути сообщенія и т. д., и т. д.) приводятъ къ тому, что время наступленія нужды, формы ея проявленія, средства продовольственной помощи имѣютъ и *должны* имѣть въ высшей степени индивидуальный и мѣстный характеръ. Общность и единство продовольственного плана можетъ оказаться прокрустовымъ ложемъ для продовольственного дѣла. Существенный недостатокъ дѣйствующаго продовольственного устава — однообразие и шаблонность устанавливаемыхъ имъ нормъ—скажется несомнѣнно съ удвѣятельной силой при централизаціи продовольственного дѣла путемъ передачи его въ вѣдѣніе административныхъ властей. Конечно, мы не станемъ отрицать, что бессистемная, иногда даже беспорядочная дѣятельность множества земствъ по продовольственному дѣлу далеко не свободна отъ заблужденій и противорѣчій. Но не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Исторія продовольственного дѣла въ 1891—92 или 1897—98 гг. доказываетъ, что и администрація не застрахована отъ ошибокъ. Вспомнимъ, напримѣръ, о доставленной министерствомъ финансовъ въ Суджанскій уѣздъ (Курск. губ.) ржи, оказавшейся на половину съ спорышею. Во всякомъ случаѣ, никто не скажетъ, что ошибки земства вызваны были какими-нибудь недостойными, корыстными побужденіями. Въ этомъ отношеніи наше земство виѣ и выше подозрѣній; а это, въ сущности, важнѣе всего.

Третьей и послѣдней причиной неустройства продовольственного дѣла необходимо, по нашему мнѣнію, признать отрицательно-недовѣрчивое отношеніе къ земской дѣятельности центрального правительства,—отношеніе, парализовавшее все начинанія земства. Ходатайства земствъ о ссудахъ изъ губернскаго и имперскаго продовольственныхъ капиталовъ оставались безъ послѣдствія или урѣзывались на половину и больше; земства обвинялись въ чрезмѣрной щедрости, развращающей населеніе, въ легкомысленномъ отношеніи къ продовольственнымъ запасамъ и капиталамъ. Въ 1891—92 г. министерство внутреннихъ дѣлъ систематически отклонило ходатайства земствъ о позаймствованіи, подыня ихъ отвѣтственностью, изъ запасовъ ненуждающихся обществъ, помимо ихъ разрѣшенія, для выдачи продовольственныхъ ссудъ сосѣднимъ пострадавшимъ обществамъ; въ тоже время передвиженія запасовъ допускались въ широкихъ размѣрахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ о позаймствованіи изъ нихъ возникалъ по инициативѣ самой администраціи („Продов. вопросъ“ стр. 142). Земскія ходатайства о внесеніи тѣхъ или иныхъ поправокъ въ продовольственный

уставъ систематически оставались безъ послѣдствій. Предпринимаемая земствомъ — между прочимъ, и въ видахъ выясненія продовольственной нужды — статистическія изслѣдованія встрѣчались со стороны администраціи, какъ уже упомянуто выше, серьезныя препятствія и вслѣдствіе этого далеко не всегда приходили къ благополучному концу. Экстренныя собранія земствъ нерѣдко не разрѣшались администраціей; продовольственные мѣропріятія, помимо земствъ, обсуждались въ специальныхъ комиссіяхъ, образуемыхъ при губернаторахъ.

Что удивительнаго, если при такихъ условіяхъ земская дѣятельность по продовольственному вопросу оказывалась нерѣдко и менѣе активной, и менѣе плодотворной, чѣмъ это слѣдовало бы ожидать?

Недостатками дѣйствующей продовольственной системы опредѣляется путь къ ея улучшенію.

Въ резолюціяхъ вольнаго экономического общества, выработанныхъ на основаніи происходившихъ въ немъ въ мартѣ 1898 г. занятій по продовольственному вопросу, мы между прочимъ читаемъ:

... „Нынѣ дѣйствующій продовольственный уставъ, со всеми его дополненіями и измѣненіями, заключаетъ въ себѣ такіе частныя и общіе недостатки, что коренное его измѣненіе представляетъ настоятельную государственную необходимость; ...при коренной переработкѣ этой системы должны быть, прежде всего, устранены основныя ея недостатки, какъ-то: принципъ основности въ составленіи и распредѣленіи продовольственныхъ запасовъ, принципъ кредитованія завѣдомо некредитоспособнымъ элементамъ и принципъ круговой поруки; ...при реорганизаціи продовольственной системы на новыхъ началахъ для успѣха въ дѣлѣ борьбы съ нуждою, необходимо обезпечить земскимъ учрежденіямъ большую свободу дѣйствій и самостоятельность, какъ въ дѣлѣ собранія статистическихъ свѣдѣній, такъ и въ начинѣ и выборѣ способовъ этой борьбы...“

Какъ далека—какъ безконечно далека отъ всѣхъ этихъ предположеній только что осуществленная реформа продовольственного дѣла!

В. Г.

(Окончаніе будетъ).

По поводу дѣла Скитскихъ.

Послѣ небывалыхъ въ исторіи новаго процесса перипетій (четырежды разбирательство въ палатѣ и двукратное въ Сенатѣ) дѣло бр. Скитскихъ наконецъ сошло со сцены. Какъ сообщили газеты, оправдательный приговоръ не вызвалъ протеста ни со стороны обвинительной власти, ни гр. истицы и такимъ образомъ Скитскіе навсегда свободны отъ обвиненія въ убійствѣ Комарова. И хотя это убійство по прежнему остается тяжелой загадкой, тѣмъ не менѣе оправданіе обвиняемыхъ совершенно успокоило общество, „взволнованное и потрясенное безпримѣрной судьбой этого загадочнаго дѣла“. Устроивъ шумныя оваціи судьямъ и защитникамъ, на долю которыхъ выпала дѣятельно совершенно исключительный трудъ, Полтава на другой же день вернулась къ прежнему мирному и благополучному

жизню и на фонѣ этого сѣренькаго житья снова несомнѣнно продолжаютъ вырисовываться тѣ же незабѣливыя картинки, которыя такъ ярко отразились въ напечатанномъ у насъ судебномъ слѣдствіи: Бабы Чубары свидѣтельствуютъ по бракоразводнымъ дѣламъ. наши Лекоки не въ мѣру усердно „жестикулируютъ кулаками“, жены товарищей прокуроровъ принимаютъ дѣятельное участіе въ производствѣ слѣдствія, исчезаютъ вещественныя доказательства, свидѣтели жалуются на неправильныя записи ихъ показаній, — словомъ все вошло въ свою колею.

Но само собою разумѣтся, что если общественное мнѣніе совершенно удовлетворилось непосредственно достигнутымъ результатомъ — оправданіемъ невинныхъ, — то правительство на этомъ успокоиться не можетъ. Слишкомъ много жертвъ — и матеріальныхъ, а еще болѣе не матеріальныхъ — принесено было на алтарь правосудія, чтобы дать дорогу „простой истинѣ, которая ищетъ и такъ трагически не находитъ себѣ выхода“. А главное, дѣло Скитскихъ, — едва ли кто-нибудь въ этомъ сомнѣвается, — отнюдь не представляетъ единичнаго факта, случайнаго явленія, напротивъ — оно случайно лишь въ томъ отношеніи, что обратило на себя общественное вниманіе, но сообщенія о томъ, какъ „допрашиваютъ“ заподозрѣнныхъ, а подчасъ и свидѣтелей, какъ сажаютъ на скамью подсудимыхъ невинныхъ людей, идутъ почти сплошной чередой въ нашихъ газетахъ и встрѣчаютъ признаніе и въ официальныхъ источникахъ. Такъ въ особомъ мнѣніи А. Ф. Кони, заявленномъ въ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, мы читаемъ, что „современная хроника преступленій по должности богата обвиненіями полицейскихъ чиновъ въ неязанія при исполненіи обязанностей службы“. Да и сама комиссія, по даннымъ ревизіонныхъ отчетовъ свидѣтельствуетъ о злоупотребленіяхъ чиновъ полиціи при производствѣ дознаній. „Заподозрѣнный обязательно допрашивается, — указано въ отчетѣ по округу Тамбовскаго окружнаго суда, причемъ очень часты случаи вымогательства отъ него сознанія путемъ угрозъ, лишенія свободы и даже причиненія насилій... Бывали примѣры употребленія такихъ же приемовъ и въ отношеніи свидѣтелей, отказывающихся якобы отъ дачи правильнаго показанія... Въ Тифлисскомъ судебн. округѣ при производствѣ дознанія побой (безъ свидѣтелей) и выколачиваніе „сознанія у заподозрѣнныхъ — явленіе заурядное“, (т. II ст. 24). — Съ другой же стороны — въ объяснительной запискѣ той же комиссіи встрѣчается указаніе и на то, что стало уже общимъ мѣстомъ въ нашей юридической литературѣ, а именно: „односторонность въ производствѣ слѣдствій является прямымъ логическимъ послѣдствіемъ инквизиціоннаго процесса, положеннаго въ основаніе нашего предв. слѣдствія; стремленіе уличить обвиняемаго... встрѣчается гораздо чаще у слѣдователей, чѣмъ у лицъ прокуратуры...; слѣдователь, обнаруживающій виновнаго, расчлѣняющій иногда сложное происшествіе, заключающее въ себѣ признаки преступленія или проступка, самъ не замѣчая, невольно впадаетъ въ роль преслѣдователя и не можетъ быть, по психологическому закону, въ то же время и его защитникомъ (т. II ст. 43). И вотъ теперь, когда процессъ Скитскихъ *urbi et orbi* подтвердилъ, какъ арестуютъ человѣка только

потому, что онъ имѣлъ крупный разговоръ съ убитымъ, какъ затѣмъ дознаніе ведется при помощи жестикулированія кулаками и инквизиціонныхъ приемовъ, вродѣ подсаживанія къ подозрѣваемымъ темныхъ личностей, какъ слѣдствіе не только не исполняетъ требованій 265 ст. у. у. с. о безпристрастномъ приведеніи въ извѣстность уликъ, но старательно устраняетъ все то, что служитъ къ оправданію обвиняемаго, теперь, думается намъ, не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что должны быть и будутъ приняты рѣшительныя мѣры къ устраненію столь ярко обнаружившагося зла.

Чтобы оцѣнить всю важность и неотложную необходимость этихъ мѣръ, достаточно, хотя бы на одну минуту, внимательно вдуматься въ психологію невиннаго человѣка, котораго г. Ивановымъ вздумается заточить въ тюрьму и подвергнуть своему обращенію. Невольно хочется воскликнуть вмѣстѣ съ защитникомъ П. Скитскаго: „Страшно, прямо страшно становится за себя, за каждаго находящагося въ этой залѣ, за всякаго человѣка. Страшно, что по такимъ уликамъ, которыя могутъ быть отнесены къ громадному количеству лицъ, бывшихъ въ городѣ во время преступленія и имѣвшихъ какія либо отношенія къ потерпѣвшему, что по однимъ только предположеніямъ могутъ быть заключены въ темницу люди и рѣшаться ихъ судьба“. А кромѣ этого, не слѣдуетъ забывать, что предварительное слѣдствіе есть краеугольный камень уголовного правосудія и, какъ указываетъ справедливо г. Дукмасовъ въ своей книгѣ „Вопросы права и закона“ (См. Право № 27), „недостатки предварительнаго слѣдствія, обыкновенно уже непоправимые въ дальнѣйшемъ ходѣ процесса, открываютъ широкой просторъ сомнѣнію въ виновности подсудимыхъ, чѣмъ и объясняются неожиданные оправдательные вердикты присяжныхъ засѣдателей“. Тоже самое подтверждаетъ и объяснительная записка къ проекту уст. угол. судопроизводства (т. II ст. 106). — При такихъ условіяхъ, когда дѣло идетъ объ основныхъ задачахъ правосудія, нельзя конечно, останавливаться предъ матеріальными жертвами, не слѣдуетъ смущаться никакими препятствіями, лишь бы обезпечить личность отъ незаконныхъ посягательствъ на ея свободу, лишь бы гарантировать обществу правильную и нормальную уголовную репрессію.

Что же даетъ, въ этомъ отношеніи выработанный и недавно опубликованный комиссіей по пересмотру нашего процессуальнаго кодекса уставъ уголовного судопроизводства? — Сознвая, какъ было указано выше, полную непригодность полиціи къ производству дознаній, комиссія останавливалась на мысли объ учрежденіи особой судебной полиціи, но мысль эта была отвергнута на томъ основаніи, что осуществленіе ея потребовало бы слишкомъ большихъ затратъ и что за невозможностью строго разграничить обязанности судебной и общей полиціи, между ними возникали бы постоянно столкновенія. — Но не говоря о томъ, что какъ бы велики ни были затраты, они окупаются сторицей, комиссія сама неоднократно указываетъ на необходимость реорганизаціи нашей полиціи въ виду обремененности ея самыми разнородными обязанностями, которыя она исполняетъ не въ состояніи, и мы не видимъ причинъ, почему всеми признанную неотложную необходимость реформы не начать съ освобожденія ея отъ

обязанностей по производству дознания. Точно также невозможно понять, почему при учреждении нового правительственного органа необходимо исходить из неизбежности столкновения его с существующими, вместо того чтобы предполагать взаимное их содействие, как то требуется законом и подтверждено в указе Государя Императора 15 июля 1896 г. по поводу Ходынской катастрофы.

Отказавшись от мысли учредить особую судебную полицию, комиссия тем не менее безгранично расширяет права существующей: по проекту, предварительное следствие обязательно лишь по делам о преступлениях, влекущих за собою лишение всех прав состояния, о причинении смерти и умышленного нанесения тяжелых телесных повреждений и еще по некоторым, прямо в проекте указанным (ст. 145). По всем остальным делам, а следовательно и по делам, влекущим лишение всех особенных прав и преимуществ, производится по общему правилу дознание (109). Производство же следствия ставится в зависимость от усмотрения следователя, прокурорского надзора или обвинительной камеры, но, как замечает сенатор Желеховский в поданном им особом мнении, „не надо быть пророком, чтобы предсказать, что в виду направления, нашедшего себя выражение в вышеуказанных постановлениях проекта, дознание вытеснит следствие, и что таким образом по большому делу подсудных суду с присяжными заседателями, участие полиции в производстве следствия явится преобладающим“. Полиция, та самая полиция, действия которой, по справедливому замечанию сенатора Желеховского, далеко не всегда бывают ограничены законностью, знанием предельных своих прав и уважением прав граждан, получает право (ст. 107 проекта) производить освидетельствования, обыски и выемки. — И единственное, что комиссия предлагает для поднятия уровня полиции, это учреждение испытаний при назначении на полицейские должности. Но если даже эти испытания и дадут свои результаты и полицейские чины не станут более утверждать, как то случилось в деле братьев Скитских, что *alibi* означает времяпрепровождение предыдущего дня, (см. Право с. 1243) то во всяком случае нельзя не согласиться, что „абсолютно ничего не изменить испытание в нравственном складе полицейских чинов, в их настроении, в их взгляде на свои обязанности; злоупотреблений вродь тех, которые слишком часто встречаются в настоящее время, оно не предупредить, ведь и теперь, конечно, должностные лица, пускающие в ход насилие и принуждение, очень хорошо понимают противозаконность такого образа действий. (В. Евр. № 7, Внутр. Обзор). — Вот почему сенатор Желеховский и утверждает, что изложенный проект возвращает нас к дореформенному порядку вещей, осужденному правительством еще в 1860 г. и что „не следуя приводить в исполнение проектированной меры, идущей в разрез с одним из существеннейших начал судебных уставов, дальнейшее нарушение которого едва ли может соответствовать условиям жизни культурной страны“.

Точно также комиссии не удалось устранить другое зло, которое, как мы видели выше, она сама конста-

тировала: мы говорим об односторонности в производстве следствия, об его обвинительной тенденции, являющейся, по мнению комиссии, неизбежным последствием инквизиционного характера следствия. Изменить этот характер, построить предварительное следствие на началах обвинительного процесса комиссия находит нецелесообразным, потому что „устройство полиции настолько неудовлетворительно, что до коренного ее преобразования представляется невозможным освободить органы следственной власти от обязанностей розыска своего свойства“ (ст. 114). Таким образом, в качестве единственного корректива против столь ненормального порядка, сам собою напрашивается вопрос о допущении защиты на предварительном следствии, о чем так красноречиво и убедительно говорил в своей защитительной речи по делу Скитских присяжный поверенный Н. П. Карачевский. Остановившись на этом вопросе, комиссия признала, что „с теоретической точки зрения, принцип защиты при предварительном следствии стоит вне всякого спора“. Даже комиссия перечисляет те многочисленные западноевропейские кодексы, (австрийский, венгерский, германский и французский), которые пошли в этом направлении, причем здесь ничего не упоминается об ослаблении вследствие такой реформы уголовной репрессии и вообще о каком либо ущербе интересам правосудия. И тем не менее комиссия не нашла возможным допустить у нас защиту, полагая, что до закрепления судебной властью следов преступления защита внушает серьезные опасения для правосудия (ст. 138). Правда, допущение к защите только присяжных поверенных сгладило бы наиболее резкую проявления, оказываемая ныне подпольною адвокатурою на ход предварительного следствия, но в таком случае это повело бы к чрезвычайному процессуальному неравенству обвиняемых в зависимости от их имущественной обеспеченности, а кроме того комиссия в сущности полна недоверия и к присяжной адвокатуре, ибо тут же из ревизионных отчетов приводятся случаи подачи клиенту нежелательных советов, а несколько дальше комиссия утверждает, что „свидания и совещания лица, содержащегося под стражей, с приглашаемым им присяжным поверенным могут несомненно создать немало затруднений для следственной власти“. Все эти „практические“ (как их называет комиссия) соображения заслуживали бы внимания лишь в том случае, если бы, с другой стороны, следователи и прокуроры вполне соответствовали бы тому представлению, какое мы имеем о них на основании теории и закона. Но в действительности ведь они, и особенно избираемые следователи, столь же далеки от совершенства, как и присяжная адвокатура, однако это не служит препятствием, чтобы вручать им свободу, честь и имущество граждан. Что же касается неравенства обвиняемых, то с этой точки зрения было бы вполне последовательно уничтожить защиту и на судебном следствии, ибо не говоря о том, что огромное большинство подсудимых остается вовсе без защиты — назначаемые судом защитники не относятся столь ревностно к исполнению своих обязанностей, как приглашаемые самими подсудимыми.

Если бы при выработкѣ судебныхъ уставовъ составители ихъ руководствовались подобными практическими соображеніями, то мы, вѣроятно, еще и до сихъ поръ коснѣли бы въ дореформенномъ процессѣ.

А. И.

Хроника.

Государь Императоръ, 15-го іюля 1900 года. **Высочайше повелѣть соизволилъ:** липецкаго уѣзднаго предводителя дворянства, статскаго совѣтника Кожина—уволить отъ службы.

Пр. Сенатъ вновь подтвердилъ, что **обязательныя постановленія гор. думъ** о порядкѣ содержанія въ исправности тротуаровъ могутъ касаться какъ порядка содержанія уже существующихъ тротуаровъ, такъ и первоначальнаго устройства таковыхъ, и что возложеніе думою на домовладѣльцевъ путемъ обязательнаго постановленія, обязанности устройства тротуаровъ изъ того или другого матеріала не противорѣчитъ существующимъ законамъ. (Указъ 3 іюля № 7,253).

По разъясненію Пр. Сената, **излишне начисленные земскіе сборы** подлежатъ возвращенію или зачисленію въ счетъ будущихъ платежей лишь со времени заявленія владѣльцами земли о неправильномъ обложеніи таковой, такъ какъ лишь съ этого времени для земскихъ учреждений является возможнымъ и самое исправленіе неправильностей обложенія (№ 7255).

Хотя по закону требуется, чтобы при **устройствѣ въ городахъ заводовъ и промышленныхъ заведеній**, разрѣшеніе на устройство конхъ зависѣть отъ губ. начальства, послѣднимъ испрашивалось на сей предметъ заключеніе мѣстнаго городского общественнаго управленія, но такое заключеніе имѣетъ лишь значеніе мнѣнія общественнаго управленія и обязательнымъ для губ. начальства признано быть не можетъ. (6 іюля № 7329).

По разъясненію Пр. Сената, земскія учрежденія только въ томъ случаѣ обязываются **возвращать сборы**, а слѣдовательно и слатать недоимки за время, предшествовавшее заявленію о неправильности обложенія, когда таковые сборы начислялись по ошибкѣ или винѣ самихъ земскихъ учреждений (Ук. 10 іюля № 7390).

Въ Одесѣ третій день происходятъ **беспорядки**, и она какъ бы на военномъ положеніи. Беспорядки начались 11 іюля на толкучкѣ сначала дракой, а потомъ разгромомъ еврейскихъ лавочекъ. Ночью происходилъ разгромъ еврейскихъ магазиновъ и домовъ на окраинѣ,—на Молдаванкѣ и въ окрестныхъ улицахъ. Въ понедѣльникъ же съ утра буяны проникли въ самый центръ. На Дерибасовской, отъ самаго начала съ Преображенской улицы и почти до Риппельской, во всѣхъ магазинахъ, гдѣ не успѣли опустить

шторы, выбиты всѣ окна и не осталось ни одного электрическаго фонаря передъ магазинами. Будки съ сельтерской водой всѣ разбиты и сброшены на середину улицы; въ Екатерининской улицѣ тоже пострадали нѣкоторые магазины.

Въ магазинѣ Розова, въ самомъ центрѣ Дерибасовской, выбиты всѣ окна и дверь. Погромъ начался въ этой мѣстности въ 11 часовъ. Весь день затѣмъ были закрыты всѣ магазины въ городѣ.

Ночью беспорядки продолжались на окраинахъ: на слободкѣ Романовкѣ и на Пересыпи. Во вторникъ открылись нѣкоторые магазины, но черезъ часъ должны были опустить въ окнахъ шторы и оставить открытыми только двери, другіе магазины совсѣмъ закрылись, и по Дерибасовской и Новорыбной улицамъ опять начались беспорядки (Нов. Вр.).

Во время происшедшихъ въ гор. Одесѣ 16 и 17 текущаго іюля **уличныхъ беспорядковъ** было задержано 1041 человекъ.

Всѣ задержанные по распоряженію п. д. одесскаго градоначальника отправлены въ одесскую тюрьму для точнаго установленія ихъ самоличности. Затѣмъ, согласно постановленію его сіятельства, изъ числа задержанныхъ: 1) рабочіе, принадлежащіе къ мѣстнымъ жителямъ и лица не рабочаго сословія, какъ виновные въ нарушеніи § 23 дѣйствующаго въ градоначальствѣ, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, обязательнаго постановленія, будутъ подвергнуты аресту при полиціи на три мѣсяца каждый, 2) пришлые же рабочіе будутъ высланы изъ Одессы въ мѣсто приписки съ первымъ отходящимъ этапомъ (Од. л.).

Варшавскій генераль-губернаторъ предалъ варшавскому окружному суду для **сужденія по законамъ военнаго времени** крестьянъ Свидерскаго, 22 л. и Возняка 21 г. по обвиненію въ томъ, что сговорившись между собою и необнаруженными по дѣлу лицами лишить жизни мастераго на фабрикѣ Вышицкаго Антона Грешака за то, что онъ не примкнулъ къ стачкѣ, организованной на означенной фабрикѣ 26 января 1900 года, они, во исполненіе сего сговора, утромъ 16 февраля сего же года, вооружившись, Свидерскій — рычагомъ, а Вознякъ — кускомъ желѣзной водопроводной трубы, на Товарной улицѣ города Варшавы нанали на проходившаго мимо нихъ Грешака и нанесли ему по головѣ и лицу нѣсколько ударовъ означенными орудіями, разбивъ ему черепныя и лицевыя кости и размозживъ ему лицо и головной мозгъ, отъ каковыхъ поврежденій Грешакъ скончался спустя нѣсколько часовъ. (В. Дн.).

На дняхъ въ Аткарскомъ (Саратов. губ.) съѣздѣ земскихъ начальн. разсматривалось дѣло по обвиненію помѣщика Агринскаго и крестьянъ Гоннова, Иванникова, Кочергина, и др. въ **распространеніи ложныхъ слуховъ**, вызывающихъ безпокойство и броженіе.

Мѣстный волостной старшина и писарь, недовольные дѣятельностью Агринскаго, который давалъ окружающимъ крестьянамъ совѣты по дѣламъ, писалъ имъ бесплатно прошенія и жалобы, донесли земскому начальнику Слѣпцову, будто обвиняемые распространяютъ

въ деревнѣ слухи, что земск. начальникъ, старшина и писарь уволены отъ должностей въ виду поданныхъ на нихъ жалобъ Агринскимъ.

Получивъ этотъ рапортъ, земскій начальникъ постановилъ:

„Всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ привлечь къ уголовной отвѣтственности по обвиненію ихъ по 37 ст. уст. о наказ., такъ какъ распространяя вышесказанные ложные слухи, лица эти поселяли тѣмъ самымъ въ умахъ населенія волости нежелательное безпокойство и броженіе“.

При разборѣ дѣла Агринскій заявилъ отводъ на томъ основаніи, что слухи, въ распространеніи которыхъ онъ съ крестьянами обвиняется, во-первыхъ касаются самого земскаго начальника, а во-вторыхъ, не подходятъ подъ дѣйствіе 37 ст. уст. о наказ., какъ направленные противъ должностныхъ лицъ, что карается уложеніемъ о наказаніяхъ.

Земскій начальникъ призналъ однако дѣло себѣ подсуднымъ и приговорилъ: подвергнуть пятерыхъ обвиняемыхъ аресту при арестномъ домѣ cadaго на двѣ недѣли, а крестьянина Егора Лунева и потомств. поч. гражд. Агринскаго признать невиновными и по суду оправданными“. На этотъ приговоръ принесены были апелляціонные отзывы:

Г. Агринскій ходатайствовалъ о признаніи донесенія даниловскихъ волостнаго старшины и волостнаго писаря ложнымъ, а самаго дѣла земскому начальнику неподсуднымъ. Онъ проситъ передать все дѣло судебному слѣдователю.

„У судебного слѣдователя я могу сдѣлать необходимую заявленія и указать факты въ подтвержденіе того, что возбужденное противъ меня обвиненіе по 37 ст. уст. о нак. возникло на почвѣ неудавшагося ложнаго доноса, учиненнаго заинтересованными въ моемъ обвиненіи лицами въ аткарской уѣздной и жандармской полиціи о составленіи мною яко-бы противозаконнаго сообщенія“.

Слѣздъ постановилъ: признавая, съ одной стороны, порядокъ возбужденія настоящаго дѣла неправильнымъ, а съ другой не усматривая въ дѣлѣ признаковъ дѣянія, предусмотрѣннаго 37 ст. уст. о наказ., аткарскій слѣздъ земскихъ начальниковъ постановляетъ: приговоръ земскаго начальника 5 участка Актарскаго уѣзда во всемъ его объемѣ отмѣнить и настоящее дѣло производствомъ прекратить. (Р. Вѣд.).

„Сиб. жизнь“ сообщаетъ о послѣдней **выѣздной сессіи Тобольскаго суда въ Ялуторовскѣ**: передъ судомъ прошло въ теченіе четырехъ дней около 100 человекъ. Вся эта масса въ буквальный смыслъ представляла изъ себя „смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“: тутъ были и татары, и евреи, и представители славянскаго племени. Очень немногіе обвиняемые имѣли защитниковъ, татары объяснялись съ судомъ при посредствѣ переводчика; огромное же большинство и объяснялось, и обвиняло, и защищалось—какъ могло и какъ умѣло, безъ чьего бы то ни было участія или посредничества.

Тяжелое впечатлѣніе производили эти послѣдніе. Отчасти смущенные непривычною для нихъ обстановкою, отчасти мало понимая тотъ литературно-канце-

лярскій языкъ, на которомъ шло судопроизводство—они были такъ жалки и безпомощны, что невольно рождался вопросъ: отчего же нѣтъ никакихъ переводчиковъ и для этихъ инородцевъ въ своемъ отечествѣ.

Въ бывшую въ 1899 г. очередную сессію орловское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи представителю отъ губернскаго земства участвовать въ трудахъ правительственной комиссіи по пересмотру программъ средне-учебныхъ заведеній. Въ настоящее время отъ министра народнаго просвѣщенія получено увѣдомленіе въ губернской земской управѣ, что комитету министровъ было доложено министерствомъ народнаго просвѣщенія о **ходатайствѣ орловскаго губернскаго земства** объ уничтоженіи привилегій классическаго образованія передъ реальнымъ и участіи ихъ представителей въ трудахъ комиссіи. Такія же ходатайства были предъявлены со стороны симбирскаго и курекаго губернскихъ земствъ. Комитетъ министровъ постановилъ предоставить поддерживать эти ходатайства вышепоименованныхъ земствъ г. министру народнаго просвѣщенія, а личное участіе земскихъ представителей отклонить. (Ниж. Лист.)

„Русск. Вѣд.“ сообщаютъ слѣдующія біографическія данныя объ умершемъ 17 іюля **Григоріи Аветовичѣ Джаншіевѣ**:

Г. А. Джаншіевъ родился въ 1851 г. въ г. Тифлисѣ въ армянской семьѣ. По окончаніи тифлисской гимназіи онъ поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету въ 1874 г. Съ этого же года началась его литературная дѣятельность, непрерывно продолжавшаяся до послѣднихъ его дней. Литературные труды Г. А. почти всецѣло были посвящены изученію славной эпохи новѣйшей русской исторіи — времени „великихъ реформъ“. На основаніи изученія архивныхъ матеріаловъ Г. А. нарисовалъ цѣлый рядъ очерковъ по исторіи судебныхъ уставовъ Александра II, которые сначала печатались въ „Русской Мысли“ и „Вѣстникѣ Европы“, а затѣмъ вышли отдѣльными изданіями: „Страница изъ исторіи судебной реформы. Д. Н. Замятинъ“ (М. 1883), „С. П. Зарудный и судебная реформа“ (М. 1889), „Основы судебной реформы“ (М. 1891). Наибольшей извѣстностью пользовалась его большая работа „Изъ эпохи великихъ реформъ“. Въ сравнительно короткое время книга выдѣржала 7 изданій.

Смерть наступила неожиданно, хотя покойный Г. А. Джаншіевъ былъ на положеніи больного уже около мѣсяца послѣ возвращенія въ Москву изъ Крыма. За это послѣднее время у него усилились признаки болѣзни сердца, которою онъ страдалъ уже давно. Но только за три дня до смерти онъ слегъ въ постель и не вставалъ въ виду общей слабости и нѣсколько повышенной температуры. Въ самый день кончины, 17-го іюля онъ былъ въ полномъ сознаніи и еще за нѣсколько часовъ до смерти бесѣдовалъ съ навѣстившимъ его редакторомъ „Русскихъ Вѣдомостей“ по поводу одной своей газетной статьи... Роковой исходъ наступилъ мгновенно. Г. А. скончался тихо и безъ страданій.

16 июля скончался в Москвѣ на 57 году жизни одинъ изъ самыхъ выдающихся и благородныхъ представителей нашей адвокатуры, кн. А. И. Урусовъ.

Кн. А. И. Урусовъ, родился в Москвѣ 2 апрѣля 1843 г., в Москвѣ же учился и окончилъ университетъ кандидатомъ правъ въ 1866 г. Кн. А. И. Урусовъ началъ службу в московскомъ окружномъ судѣ, но черезъ два года зачислился в помощники присяжнаго повѣреннаго, а в 1871 г. былъ принятъ в корпорацию пр. повѣренныхъ округа моск. суд. палаты. В слѣдующемъ году, послѣ выступленія защитникомъ в Нечаевскомъ процессѣ, кн. А. И. Урусовъ вынужденъ былъ прервать свою дѣятельность и оставить Москву; четыре года проводитъ онъ на чужбинѣ, в Венденѣ и в Ригѣ, и только в 1878 г. онъ назначается товарищемъ прокурора варшавскаго, и вскорѣ петербургскаго суда. Здѣсь, между прочимъ, покойный выступилъ обвинителемъ в громкомъ дѣлѣ Гулак-Артемовекой, защитникомъ которой былъ извѣстный юристъ Жуконскій. Черезъ два года кн. А. И. Урусовъ возвращается в сословіе присяжныхъ повѣренныхъ и уже не оставляетъ своей дѣятельности до самой смерти.

Библіографія.

Законодательный бюллетень за 1899 годъ, издаваемый подъ редакцію А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Первое полугодіе. Изданіе Товарищества „Общественная Польза“. Спб. 1900. 654 стр. Цѣна по подпискѣ за годовой экземпляръ (двѣ книги) 3 р.

Недавно вышелъ в свѣтъ и разосланъ подписчикамъ третій по счету выпускъ „Законодательнаго Бюллетеня“, содержащій узаконенія, опубликованныя в „Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства“ за первое полугодіе 1899 г.

Сопоставляя этотъ выпускъ „Бюллетеня“ съ первыми двумя, содержащими в себѣ узаконенія, опубликованныя в 1898 г., мы не можемъ не отмѣтить значительнаго улучшенія изданія съ точки зрѣнія его полноты. По словамъ предисловія къ появившемуся в Ноябрь мѣсяцѣ минувшаго года первому выпуску, „Бюллетень“, выходя два раза в годъ книжками отъ 10 до 15 листовъ, долженъ былъ воспроизводить полностью текстъ только тѣхъ законодательныхъ актовъ и правительственныхъ распоряженій, которые имѣютъ общее, а не специальное значеніе; что же касается специальныхъ законовъ и распоряженій, какъ-то законы военные, уставы акціонерныхъ обществъ и т. п., то предполагалось давать в „Бюллетенѣ“ только ихъ заголовки съ указаніемъ статьи Собранія Узаконеній, подъ коею этотъ законъ былъ опубликованъ, и даты его утвержденія.

Въ дѣйствительности же „Бюллетень“ отступилъ отъ первоначальнаго плана и даетъ, въ особенности въ настоящемъ своемъ выпускѣ, объемомъ свыше 20 листовъ весьма убористой печати, помимо законовъ общихъ и такой матерьялы, который имъ первоначально не имѣлся в виду: военные законы, въ томъ полугодіи, которое охватываетъ разсматриваемый выпускъ „Бюллетеня“, весьма многочисленные, воспроизведены „Бюллетенемъ“ полностью.

Главною особенностью „Бюллетеня“, по сравненію съ „Собраніемъ Узаконеній и Распоряженій Правительства“ является распредѣленіе въ „Бюллетенѣ“ всего матерьяла не въ хронологическомъ, по времени опубликованія, порядкѣ, а въ порядкѣ алфа-

витномъ, чѣмъ составители желали облегчить отысканіе требуемаго закона въ томъ случаѣ, если справляющійся не знаетъ, когда этотъ законъ былъ опубликованъ. До извѣстной степени цѣлесообразность такого расположенія матерьяла является несомнѣнною, хотя конечно разнообразіе предметовъ, нерѣдко затрагиваемыхъ в одномъ законодательномъ актѣ, дѣлаетъ почти невозможнымъ отысканіе необходимаго закона, если навѣдывшій справку имѣетъ в виду одинъ изъ вопросовъ б, регулируемыхъ даннымъ закономъ, тогда какъ, при распредѣленіи матерьяла составители имѣли в виду какой либо другой изъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ тѣмъ же закономъ. Наконецъ нельзя не замѣтить, что на практикѣ весьма распространено обыкновеніе цифровать законы по датѣ Высочайшаго ихъ утвержденія безъ указанія на заголовокъ или общее содержаніе закона. Система, принятая „Бюллетенемъ“, и отсутствіе въ немъ хронологическаго указателя дѣлаетъ совершенно невозможнымъ отысканіе закона, если извѣстна только дата его.

Во всякомъ случаѣ, настоящее изданіе, доставляя текущій, хотя и нѣсколько запаздывающій, законодательный матерьялъ, представляетъ громадныя преимущества, сравнительно съ неуклюжимъ, несообразно дорогимъ и далеко не полнымъ „Полнымъ Собраніемъ Законовъ“ или сравнительно съ рыхлыми безчисленными тетрадками „Собранія Узаконеній и Распоряженій Правительства“, переполненныхъ вновь утверждаемыми или измѣняемыми уставами частныхъ обществъ, благодаря которымъ объемъ этого Собранія принялъ такіе размѣры, что для человѣка, не имѣющаго specialнаго помѣщенія подъ бібліотеку, держать Собраніе Узаконеній хотя бы за нѣсколько лѣтъ, совершенно невысказимо.

Н. Л.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

Уголовный кассационный департаментъ.

(Наказуемость нарушенія правилъ о мѣстной продажѣ винограднаго вина).

По общему правилу, содержащемуся в 406 ст. уст. объ акц. сб., безъ взятія установленныхъ патентовъ продажа спиртныхъ напитковъ не дозволяется; дозволившіе же себѣ такую продажу подлежатъ отвѣтственности по 980 или 981 ст. уст. Но въ ст. 1 отд. II ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 15 іюля 1887 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта (примѣч. къ 406 ст. уст. акц. сб. изд. 1893 г.) во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ занимаются винодѣліемъ, винодѣламъ дозволено, и безъ взятія особаго патента, продавать виноградное вино собственнаго издѣлія при садахъ и на рынкахъ и торговыхъ пристаняхъ съ возовъ и лодокъ; винодѣламъ же Кавказскаго края предоставлена особая льгота, состоящая въ правѣ сихъ винодѣловъ не только продавать въ указанныхъ выше мѣстахъ, а также въ собственныхъ жилищахъ вино собственнаго издѣлія безъ взятія патента, но и складывать оное временно для продажи на дворахъ и въ караванъ-сараяхъ или въ особыхъ временныхъ помѣщеніяхъ, на срокъ до двухъ недѣль, съ заявленіемъ о томъ акціонному надзору, а гдѣ такового нѣтъ—мѣстной полиціи. Затѣмъ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 8 февраля 1888 г. Министерству финансовъ предоставлено распространять, по мѣрѣ надобности, дѣйствіе означенныхъ льготныхъ правилъ торговли винограднымъ виномъ въ Кавказскомъ краѣ на всѣ вообще мѣстности, въ коихъ дѣйствуютъ правила о фруктово-и виноградно-водочномъ производствѣ и на основаніи сего полномочіемъ министра финансовъ, постановленіемъ отъ 5 апрѣля 1888 г., распространилъ означенныя льготы на гу-

бернии Бессарабскую, Таврическую и область войска Донскаго, о чемъ согласно рапорту его въ Правительствующій Сенатъ опубликовано въ собраніи узаконеній 1888 г. № 48 ст. 438. Такимъ образомъ, согласно точному смыслу приведенныхъ узаконеній и виводѣлы Бессарабской губ. въ настоящее время пользуются льготою продавать, безъ взятія особаго патента, виноградное вино собственнаго издѣлія оптомъ и раздробительно какъ изъ своихъ садовъ и жилищъ, такъ и на ярмаркахъ, рынкахъ и пристаняхъ и вообще во всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ съ возовъ и лодокъ, а также екладывать вино временно для продажи на дворахъ или въ особыхъ временныхъ помѣщеніяхъ, на срокъ до двухъ недѣль, съ заявленіемъ о томъ акцизному надзору, а гдѣ такового нѣтъ—мѣстной полиціи. Но эта льгота, по существу своему, составляетъ ни что иное, какъ исключеніе изъ приведеннаго выше общаго правила, а вслѣдствіе сего, означенные виводѣлы, въ случаѣ безпатентной торговли виномъ хотя и собственнаго издѣлія, но съ нарушеніемъ условій, опредѣленныхъ приведенными выше законами, подлежатъ за сіе отвѣтственности на общемъ основаніи, т. е. по 980 или 981 ст. ст. уст. объ акц. сб., смотря по характеру ихъ торговли, такъ какъ спеціальнаго наказанія за такой проступокъ, подобнаго установленному въ ст. 937 того же устава за превышеніе льготы по продажѣ собственныхъ издѣлій, предоставленной 446 и 447 ст. оваго винокуреннымъ и пивовареннымъ заводчикамъ, въ уставѣ томъ не содержится. Въ виду вышеизложеннаго и принимая во вниманіе, что, по заключенію окружнаго суда, виводѣлы Слободской торговалъ виномъ собственнаго издѣлія не изъ жилища своего, т. е. не изъ того жилаго помѣщенія, въ которомъ онъ съ семействомъ имѣетъ осѣдлость и не изъ одной изъ службъ при этомъ жилищѣ, а изъ особаго помѣщенія, нанятаго и спеціально приспособленнаго для раздробительней торговли виномъ, причѣмъ самая обстановка помѣщенія указываетъ на промысловой характеръ производившейся въ ономъ торговли, — Правительствующій Сенатъ признаетъ примѣненіе судомъ къ проступку обвиняемаго 981 ст. уст. объ акц. сб. правильнымъ, а потому опредѣляетъ: жалобу Слободскаго, за силою 174 ст. у. у. с., оставить безъ послѣдствій.

Указъ посланъ 10 іюля с. г. за № 5021.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ

Подписчику № 2720.

Можетъ ли председатель верхняго крестьянскаго суда (въ Приб. губ.) принять на себя должность агента или таксатора страхового общества?

Въ ст. ст. 734, 735 и прил. къ ст. 736 уст. о служ. по опр. отъ прав. (св. зак. т. III изд. 1896 г.), содержащихъ перечисленіе должностей, съ которыми служба въ страх. общ. несомѣстима, нѣтъ указанія на то, чтобы подобная служба была запрещена председателю Верх. Кр. Суда. Не установлено такого запрещенія и „Положеніемъ о преобраз. крес. присут. мѣст. въ Приб. губ.“. Слѣдов., по буквальному смыслу закона отвѣтъ на предложенный вопросъ долженъ быть данъ утвердительный. Во всякомъ случаѣ, предсѣд. верх. кр. суда, какъ лицо состоящее на госуд. службѣ, немедленно долженъ довести до свѣдѣнія своего начальства о своихъ внѣ служебн. занятіяхъ (ст. 738 уст. о сл.), и начальство это можетъ, руководствуясь ст. 740 того же устава, запретить совмѣстительство, причѣмъ для обоснованія подобнаго запрещенія могутъ быть приведены слѣдующія соображенія: 1) по ст. 52 „полож. о преоб. кр. прис. мѣстъ въ Приб. губ.“, Пред. верх. кр. суд., какъ судья, назначаются министромъ юстиціи, имъ назначается особое жалованье, которое, какъ поясняютъ законодат. мотивы къ ст. 48 полож., должно избавить ихъ отъ нужды въ постороннихъ занятіяхъ; 2) подсудность верхн. кр. суд. (правила о производствѣ гражд. дѣл. въ вол. суд. приб. губ. ст. 7, 8, 9, III) не исключаетъ возможности предъявленія въ нихъ исковъ, вытекающихъ изъ договора страхования, въ которомъ заинтересованнымъ можетъ оказаться самъ предсѣд. суда; 3) положеніе пред. верх. кр. суд. отчасти аналогично съ предс. сѣздовъ и судей, которымъ, равно какъ и всѣмъ членамъ общ. суд. мѣстъ (прил. къ ст. 736 уст. о служ.) по опр. отъ прав. запрещается занятіе должностей въ страховыхъ обществахъ.

Подписчику № 2791.

Подлежатъ ли отбыванію воинской повинности въ Россіи иностранно-подданные, принявшіе русское подданство до совершеннолѣтія?

Подлежатъ, по точному смыслу ст. I и II уст. о воин. пов. Пр. Сенатъ (указъ 1879 г. № 2136, 1897 г. № 9267) разъяснилъ, что лицо, принявшее русское подданство, не привлекается къ отбытію воинской повинности лишь въ томъ случаѣ, если подданство это принято имъ по окончаніи призыва того года, въ которомъ оно достигло призывнаго возраста.

При этомъ № годов. подписч. разсыл. указатели къ рѣш. угол. нас. деп. Правит. Сен. за 1899 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ, Троицкая ул., 18.

Н. И. Лазаревскій.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сен. объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое проявляло публикацію.
Капланомъ, Липманомъ Абрамовымъ, леопольск. мѣщ.	Каплану, Гиршѣ.	У Двин. нот. Алещенко 21 Сент. 1890 г. за № 348. Р. IV, ст. 161.	Витебскій о. с.
Федоровою, Христиною Ивановою, вдовою ботанич. уче- ника.	Владимірову, Ивану Дми- тріеву, ростовск. и/Д. мѣщ.	У Ростов. и/Д. нот. Фоллен- дорфа 24 Іюня 1899 г. за № 2328. Р. IV, ст. 162.	Таганрогскій о. с.
Мацкевичъ, Клементиною Бонифатьевою и Павловскою, Марією Карловою.	Мацкевичу, Сигизмунду Юліану, двор.	У Вилкомир. нот. Разумов- скаго 19 Ноября 1886 г. за № 1495. Р. IV, ст. 163.	Ковенскій о. с.
Шлипсъ, Вагдою - Маргар- итою Адольфовою, женою кол. сов.	Павловскому, прис. пов.	У Мир. Судья Рейнсена въ г. Никольскѣ 10 Іюня 1898 г. Р. IV, ст. 164.	Минскій о. с.
Диденко, Александрою Ва- сильевою, доч. войскового стар- шины.	Диденко, Александрѣ Ев- графовой, вдовѣ сотника.	У Майкоп. нот. Иванова 30 Сент. 1895 г. за № 1868 г. Р. IV, ст. 165.	Екатеринод. о. с.
Демьяновскимъ, Пет- ромъ Капріановымъ, протоіер.	Демьяновскому, Георгію Петрову, поруч. запаса,	У Кроков. нот. Недрегаило- ва 15 дек. 1897 г. за № 1638. Р. IV, ст. 166.	Елисаветгр. о. с.

С. об. 17 Іюля 1900 № 57.
С. с. 20 Іюля 1900 г. № 58.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 24 іюля, по 1 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Зайденвейга съ Щепковскою и др.; Видру-
шека и Шульца съ Гусаржевскимъ и Боровскимъ; Малышке-
вича; Киндлера съ Денигомъ; Солдына съ Зандштейномъ;
общ. кр. с. Варшца съ Фельдманомъ; Зысса и Герца съ
Гершковымъ; Насеровскаго.

Създовья: Вильдерогель съ Ротштейномъ; Трускеръ и
др. съ Пухета и др.; Плонскера съ Могильскою; Вассермана
съ Зиглинскимъ; Эрлиха съ Шнейдеромъ; Собѣжанской съ
Левинталемъ; Бранца съ Розенкранцемъ; Каминскаго съ
Краевскимъ; Мерина съ Змигродомъ; Эрлиха съ Завадскимъ;
Завадскаго съ Вирнбаумомъ; Котта съ Гринбаумомъ; Гейль-
мана съ Янковскимъ; Мюдушевскаго съ Петропговскимъ; Я-
соцкаго съ Патормъ; Зильберберга съ Кутую; комисс. Мари-
ампольск. уѣзда съ Неймаркомъ 2 дѣла; Доры и Грабе съ
Грабе; Грабе съ Грабе; Ротъ и Грабе съ Грабе; Бюрковского
и Грабе съ Грабе; Сендякъ съ Зволякомъ; Эрбштейновъ и
др. съ Рабиновичемъ; Ковальчикъ и др.; Егера съ Розеномъ;
Эрлиха съ Филиповскою, Осуха и Сикорскаго съ Гржеленъ
и др.; Вихлинскаго съ Штекедемъ; Вуйцицкаго съ Генкедемъ;
Куровской съ Кершомъ; Дижуръ съ Гольдбергомъ.

На 25 іюля, по 2 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Прокураторія съ Малиновскимъ, Домбекимъ,
Фридманомъ; Павловскаго съ Махлейдомъ; Ломжинскаго отд.
госуд. банка съ Релчинскимъ и др.; Данциса съ Пешекеромъ;
Кенига съ Прусаккомъ.

Създовья: комисс. Варшавск. уѣзда съ Вейсъ; Круль и
Иганской съ Михаликъ; Эрлиха съ бар. Остенъ-Сакель; Фет-
тера съ Воронцовымъ и Феттеръ 2 дѣла; Рѣнова съ Гриш-
кевичемъ; Махржиковъ; Добкуна; упр. Его Величества им.
„Острова“ съ Юркевичемъ; Финкеля съ Ляндау; Колаковска-
го съ Михаловскимъ; Розенблома и др. съ Лядвинцемъ; Бро-
копа съ Панкрапомъ; Цѣслинскаго и др. съ Цѣслинскимъ;
Фрейда съ Охрономъ; Нецеля съ Гржендичемъ; Сантуса; Пи-
сарука съ Капланомъ; Французка; Кнезь; Домбровской съ
Домбровскими; Эрлиха съ Шильфогелемъ; ком. Кольскаго

уѣзда съ Кракоцкими; Кутасъ съ Кутасомъ и Старополь-
скимъ; Семена съ Кондратовичъ; Кема съ Зельберблатомъ;
Либераума съ ком. Конскаго уѣзда; тов. „Вр. Нобель“ съ
Янискою; Гершмана съ ком. Ново-Александровск. уѣзда; Ко-
гена съ Зильбертомъ, Добосевичъ; Мотыка и др. съ Флюче-
комъ и др.; Вытрижцовъ съ Васерманомъ 2 дѣла.

На 26 іюля, по 3 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Страха съ Отто; Лончинскаго съ Вильчин-
ской; Корзуна съ Пушкарскимъ; Дембинскаго съ Кономъ;
Кананова съ упр. госуд. им. Тифлиск. губ. Гурвица съ
Рейномъ; Ловьянова съ Гейлиманомъ; общ. кр. с. Брига-
дировки съ Челевскимъ; Пестова; съ общ. кр. с. Рыбушки;
Шеруленкова; казенныхъ палатъ: Тверской, Оренбургской,
Бессарабской, Уфимской 2 дѣла, Херсонской 2 дѣла, По-
дольской, Пензенской, Тамбовской 3 дѣла, Тифлиской, Мо-
сковской 4 дѣла, Кіевской, Сибирской 4 дѣла, Орловской,
Лѣфляндской.

Създовья: Беккеръ съ комисс. Варшавскаго уѣзда; Ва-
няка съ Мѣховскимъ; Герца съ Вайнребомъ; фирмы „бр.
Бентке“ съ Хенцинскимъ; Догайды; Маньковского съ Хль-
бовскимъ; Кравчика; Палки; Дашевскаго; Пацкевича съ Вью-
кочками и др.; Агафонова съ Савицкимъ; Лянге съ Ляндау
2 дѣла; Журадскаго съ Маржедъ; Виссора съ Фейферомъ;
Вуйноса съ комисс. Пултускаго уѣзда; Якубовскаго съ Ан-
друшкевичемъ; Старенга съ Старенга и др.

На 27 іюля, по 4 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Фольворскаго съ Сувальскими; Циттера съ
Збѣвичемъ; Гитнеръ съ Мецке; прокураторія съ Плончин-
скимъ; Кіевскаго гор. кредитнаго общ. и Милдухо-Маклай.

Създовья: Крочучьскаго съ Антошевскимъ; Холевы съ
Венукевичемъ и др. Зуоса съ Ванюши; Лисановичей и
Рутковскаго съ Сапѣга и др.; Остапчука и Ясиневичъ съ Ро-
монюкевичемъ; Рыбачкова; Вильгоса съ Полянкевичемъ; Яку-
бовскихъ съ Слоескою; Вайскевича съ Фейфомъ; Мощинскаго
съ Грабовскимъ; Войцѣховскаго съ Горномъ; Венгрий и др.
съ Венгрий и др.; Косенко съ Войно; Готляба съ Кирштей-
номъ; Райзахера съ Миллеромъ; Лукашукъ съ Лукашукъ;

Германа съ Чижевичемъ; Блята съ Вертгеймомъ; Жилинского и др. съ Жилинскимъ; Слома съ Дембинскимъ; Станкевичей и др. съ Вуднякомъ; Дароса и др. съ Шляхто; Пелка съ Левента земъ; Грабовскаго съ Байкевичимъ; Тарка съ Малишевскимъ; Топельской съ Слизовскимъ; Анисевича съ Лиздасами.

На 28—29 июля, по 5 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Кулжинской съ Бъявской; общ. кр. сл. Клименковой съ общ. кр. сл. Ровенекъ; Иванова о размеж. дачи д. х. Елховоозерной; Потемекы съ Чарномскимъ; Иванова съ Головни; В. Красильниковой съ В. Красильниковой; Напалковой съ Ерали; Московскаго губ. земства съ Бостельманъ.

Създовыя: Дулатова съ Кузьминимъ; Постникова съ Воейковымъ; торг. д. „М. Волковъ С-ья“ съ Левитомъ; Реутта съ Соколовимъ; Качуровскаго съ Скандовимъ; Игнатова съ Волковымъ; Муденика съ Жеймелск. ссудо-сберег. тов.; Тираспольскаго съ Дариемъ; Разумовскаго съ Фокиной; Фролова съ Сергѣевимъ; Ольшамовской съ Крушинскимъ; Ровинскаго съ им. умерш. кр. Марычева; Мищенко съ Гошкало; Шабасевича съ Станкусомъ; Ильищенко съ Николаенко; Дубинскаго; Максимова съ Вруевичъ; Квашнина съ Кражевскимъ; онек. Портнова съ Прибыловскимъ; Хехендинова съ общ. кр. д. Городища; Демме съ Фридрихъ; Демме; онек. Дроздовича съ Ловейко; Гаустейна съ Бечъ; Цѣлева съ Терентьевимъ; Штейнгардтъ съ Золотухинимъ; Ивахина съ Федотьевимъ; Колышко съ Ковалевымъ; Минина съ Фойтейнсъ; Дробота съ Шворценбреймъ; Егорова съ Клементьевимъ; Морозова съ Федосовимъ; общ. кр. д. Вынищъ съ общ. кр. д. Ленокъ; Миллера съ Глезманъ; Пича, Молчанова и Турова; Берестени-

кова съ Вагровымъ; Карасева съ Вагровымъ; общ. взаимнаго вспомош. съ Валькевичемъ.

На 28—29 июля, по 6 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Маудера съ Каспійско-Черноморскимъ нефте-промышл. тов.; Д. Назаренко съ П. Назаренко; Абдулгази-зова; Паниной съ кн. Гедройцъ; Кочергинской съ Тропкимъ; Бѣликовыхъ съ Яновскимъ; Харьковской казенн. палаты съ Сафоновыми; Московской казенной пал. съ наслѣдн. Рудакова; Новгородской каз. пал. съ Рыбнымъ; Уфимской каз. пал. съ Кобыковыми; кн. Гагариной съ им. кн. Гагарина; Эст-ландской каз. пал. съ наслѣдн. Шилляръ-фонъ-Шилхау; Эст-ландской каз. пал. съ наслѣдн. Шиллинга; Полтавской каз. пал. съ имущ. Терноверь.

Създовыя: Вурбулисовъ съ Петрулисомъ; Гиршовича съ Вахшаникомъ; Тримана съ Эренбургомъ; Лепина съ Нейшло-сомъ; Волибардина съ Ляховыми; Мачунаса съ Федоровымъ; Общ. поощрения земледѣля и сельской промышленности съ Александровымъ; Когана съ Сементовскимъ; Мирошникова съ Поддубнымъ; Ловчко съ Приоловской; Полискаго съ Этип-геръ; Позднякова съ имущ. Александрова; Жаловскаго съ Ка-валевскимъ; Жерноваго съ Жерновыми; Леви съ Рычаговымъ; Ляновичъ съ Здилевскою; Оленецкаго съ Кузинымъ; Шаба-нова съ Филипповымъ; Грешкина съ Фоменко; Казантинова съ Федеръ; Ермолаева съ Поповой; Шмолько съ Коваленко; Вересъ съ Рывкинымъ; Наумовой по д. объ охранѣ им. Ф. Наумова; Сорочинской съ Антулевичъ; Зозулей; Сидоровичъ; Зуева съ Водиловой; Каминскаго съ Горбовскимъ; Лаврентьева съ Костецкимъ.

Движеніе по Государственной службѣ.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

данной Правительствующему Сенату.

1900 года, июля 12-го. „Командиру 168-го пѣхотнаго миргородскаго полка, полковнику Лутцау—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть исправляющимъ должность елисаветпольскаго губернатора“.

Государь Императоръ, 15-го июля 1900 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: липецкаго уѣзднаго предводителя дворянства, статскаго совѣтника Кожина—уволить отъ службы.

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

12 июля 1900 года № 55:

По Правительствующему Сенату.

Умершій исключается изъ сп. сен., т. с. Гуляевъ.

Отъ старшаго предсѣдателя С.-Петербургской судебной палаты.

Увольняется отъ должн., согл. прош., нот. г. Велижа К. Томковидъ.

П Р И К А З Ы.

27 июня 1900 года, № 28:

Опредѣляются въ сл.: о. к. юр. н. въ II. ун., съ дип. 2 степ. сбб.: Студенцовъ и Соловьевъ и св. Владиміра Шукинъ—въ вѣд. м. ю., съ прич. къ сему м. п. съ отком. для зан. въ канц. деп. Правит. Сен.: Студенцовъ и Соловьевъ—гражд. кас., а послѣдній—1 деп.

Назначается, секр. сбб. с. п., к. а. Чаплинъ—млад. дѣлопр. 1 деп. м. ю., съ 1 июня 1900 г.

Причисляются къ м.: пом. м. с. Шуш. отд., за шуш. слѣд. уч. о. елисаветпольскаго о. с., к. а. Карвовскій, секр. уман. о. с., к. а. Ольшевскій, ст. канд. на д. по суд. вѣд. при о. с. каменецъ-подольск., к. с. Филипповъ и петроков., к. с. Александровъ, и мл. канд. на должн. по суд. вѣд. при Иркут. с. п., г. с. Вотинцевъ—съ отв. къ испр. должн. с. сл.: 1—о. елисаветпольск. о. с., 2—1 уч. Липовец. у., о. уман. о. с., 3—3 уч. Проскуров. у., о. каменецъ-подольскаго о. с., 4—Брезин. у., о. петроков. о. с. и 5—2 уч. о. якут. о. с.; еост. за шт., б. мл. пом. об.-секр. 3 деп. Прав. Сен., к. а. Потъхинъ—съ отв. для зан. въ канц. суд. деп. Сената, съ 1 июля 1900 года.

Командируются: прич. къ м. ю., ком. къ и. д. с. сл.: 2 уч. Петроков. у., к. а. Александровъ, 2 уч. Гродн. у., т. с. Киселевскій, 4 уч. Тельшев. у., о. ковен. о. с., к. с. Ипосовъ и Брезин. у., о. петроковск. о. с., к. с. Зельканъ—къ испр. должн. с. сл.: по важн. д.: 1—о. петроковск. о. с., 2—о. гроднен. о. с. и 3—о. ковен. о. с., а 4—во 2 уч. Петроков. уѣзда.

Увольняются отъ служ., согл. прош.: прич. къ м. ю., ком. къ и. должн. с. сл.: 1 уч. Липовец. у., о. уман. о. с., т. с. Осташковъ и 3 уч. Проскуров. у., о. каменецъ-под. о. с., т. с. Ренненкампфъ.

По Правительствующему Сенату.

Назначаются: секр. при оберъ-прок. 1 деп. Прав. Сен., к. а. Вауеръ и прич. къ м. ю., ком. для зан. въ канц. того же деп. Сен., к. с. Вейль—первый—пом. об.-секр., а послѣдній—испр. должн. секр. при об.-прок. 1 деп. Прав. Сената, оба—съ 27 мая 1900 г.